

© Прохвятилов В.В.
Prokhvatilov V.

«ЯЗЫК ВОЙНЫ» – «ФУНКЕЛЬШПИЛЬ» ДЛЯ НАРОДА
(К вопросу о специфике войн пятого поколения)

«THE LANGUAGE OF WAR» – «FUNKELSHPIL» FOR THE PEOPLE
(On the question of the specificity of the wars of the fifth generation)

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы эволюции «языка войны» и его генезиса. С этой целью использована модель пяти поколений войн, предложенная политологом и публицистом Николаем Коньковым в статье «Война пятого поколения» (газета «Завтра» от 2 марта 2011г.). Используются основные положения «теории образов» французского философа Жана Бодрийяра к описанию военных действий.

Annotation. The article discusses the evolution of the "language war" and its genesis. To this end, using the model of five generations of war, proposed a political scientist and writer Nikolai Konkov in the article "The War of the fifth generation" (newspaper "Tomorrow" 2 March 2011). Used the basic provisions of the "theory of images" of the French philosopher Jean Baudrillard to the description of hostilities.

Ключевые слова. Гражданская война, Украина, дезинформирование противника, общественное мнение, мотивационное алиби, модель Мира, образ-«симулякр», функельшпиль.

Key words. The Civil War, Ukraine, misinform the enemy, public opinion, motivational alibi model of the World, the sample "simulacrum" funkelsbpil.

Всем смерть – собак войны с цепи спуская!
У. Шекспир «Юлий Цезарь»

Гражданская война на Украине привлекла внимание к тому странному, но ставшему привычным в наше беспокойное время явлению, которое эксперты называют «язык войны». Если дать строгое определение, то это, без сомнения, употребление иносказаний и эвфемизмов (например, «принуждение к миру» вместо «война до полной победы», с одной стороны, а с другой – сознательное дезинформирование противника и общественного мнения с целью достижения мотивационного алиби, то есть убеждения всех в том, что война начата с благими целями во имя тех или иных общечеловеческих ценностей. Есть еще и третье значение термина «язык войны». Это – уже создание милитаристской модели мира [1], которая формируется путем «экстраполяции языка войны или военного языка – первичного терминологического языка описания войны и военных действий – на другие миры или на весь мир (глобализация), т.е. посредством их описания в военных терминах типа война, битва, бой, воины, оружие, армия, союзники, враги, победа, поражение и т.п., и согласно которой в пре-

дельном обобщении мир интерпретируется как некое поле битвы, жизнь – как война (или борьба), люди – как воины и т.п.»

Итого, три не вполне совпадающих и имеющих свою оригинальную специфику семантических поля одного терминологического пространства. Эволюцию языка войны и его генезис хорошо описывает модель пяти поколений войн, предложенная политологом и публицистом Николаем Коньковым [2]. Он применяет теорию образов французского философа Жана Бодрийяра к описанию военных действий.

Войны «первого поколения» – доисторические, первобытные войны «без образов», простое столкновение двух вооруженных групп людей. В этих войнах язык войны как таковой не существовал. Он совпадал с языком обыденной мирной жизни. «Пойдем и убьем людей из соседнего племени и захватим их поляну с ягодами и грибами», – говорил вождь и его воины шли и убивали соседей, чтобы захватить их поляну.

Войны «второго поколения» – это войны с использованием образов, адекватно (как говорят математики – конформно отображающих) отражающих реаль-

Прохвятилов Владимир Викторович – президент Фонда реальной политики, тел. 8(495)543-36-76.

Prokhvatilov Vladimir – president of real politics, tel. 8(495) 543-36-76.

ность. Это войны Древнего мира и отчасти раннего средневековья. Такие войны описаны еще в Библии: «И побегли жители Галаадские Ефремян, говоря: вы беглецы Ефремовы, Галаад же среди Ефрема и среди Манассии» (Суд. 12:4). Такой пример приводит Николай Коньков. И здесь он не вполне точен, потому что войны первобытных племен и войны Древнего мира в общем-то сопровождались конгениальными психоинформационными вбросами со стороны правящих элит. Но язык войны в обоих случаях совпадал с языком мирного времени, то есть соответствовал реальным мотивам воюющих сторон.

Войны «третьего поколения», по Конькову — это войны с использованием образов, искажающих реальность, войны «религиозные» и «идеологические». К их числу он относит «практически все войны от раннего средневековья до новейшего времени, включая две мировые войны и позднее, вплоть до развала Советского Союза».

«Войны «четвертого поколения» — это войны с использованием образов, заменяющих реальность. Это «постмодернистские» войны, первым образцом которых можно считать, наверное, «Бурю в пустыне» (17 января—28 февраля 1991 г.), а символом — события 11 сентября 2001 г. К этому же типу войн следует отнести и все «цветные революции», и «войну 08. 08. 08», в ходе которой российские войска сорвали вторжение обученной американскими специалистами и вооруженной по натовским стандартам грузинской армии на территорию Южной Осетии, а также не позволили вмешаться в конфликт ни США, ни НАТО»¹. <http://www.zavtra.ru/content/view/2011-03-1543/>

Если следовать данной классификации, то довольно трудно отличить войны четвертого и пятого поколений.

Войны пятого поколения — «это войны с использованием образов-«симулякров», представляющих собой, согласно определению Бодрийяра, «копии без оригинала».

Вот как видит механизм войны пятого поколения Николай Коньков:

«Когда ежедневно слышишь о самолётах и вертолётах, которые расстреливают мирные демонстрации на улицах ливийских городов, о министрах и посланцах, перешедших на сторону народа, обличающих кровавый режим и создающих правительство переходного периода, о безоружных демонстрантах, которые захватывают целые города и области Ливии, жгут портреты и чучела Каддафи, его «Зелёную книгу» и размахивают флагами ливийской монархии, свергнутой более 40 лет назад, когда всё это подкрепляется соответствующим видеорядом, — все-

му этому вольно или невольно начинаешь верить».

А потом какими-то окольными путями начинает просачиваться альтернативная информация о том, что «всемирное восстание против кровавого режима Каддафи» — не более чем телевизионная постановка катарской «Аль-Джазиры», что на деле выступления против Каддафи связаны с пресловутой «Аль-Каидой», вот уже десятилетиями служащей за американские и саудовские деньги американским и саудовским интересам, что молодежи за участие в антиправительственных демонстрациях их организаторы выдают наркотики и деньги (от 300 до 500 долларов за день), что оружие и боеприпасы для «народных мстителей» Киренаики поступают через территорию Египта и доставляются с моря. При этом подчеркивается, что авиация и вертолеты для разгона демонстраций не применялись, однако были разбомблены склады оружия, оказавшиеся под контролем боевиков «Аль-Каиды», и так далее, и тому подобное...

Например, якобы несколько раз «захваченные» оппозиционерами аэропорты, в том числе аэропорт Триполи, функционируют практически в нормальном режиме, то же самое касается и нефтяных терминалов на побережье...

Всё это, разумеется, — всего лишь «проба пера», но основные характеристики будущих «войн пятого поколения» в нынешнем ливийском случае просматриваются вполне отчётливо. Это изначально — войны-симулякры, вымышленные «копии без оригиналов», ход которых до определённого момента описывается глобальными массмедиа без всякого соотнесения с действительностью, зато в точном и полном соответствии с «дорожной картой», разработанной «мозговыми штабами» страны-агрессора.

Несуществующие события, фальсифицированные причинно-следственные связи, заранее подготовленные «свидетели», «герои» и «эксперты», — всё это должно быстро заполнить собой мировое информационное пространство и сформировать там нужный агрессору образ реальности, который сам по себе может считаться новейшим оружием массового поражения.

Потом, когда на уже лишённую воли к сопротивлению и разрушенную симулякрами страну-жертву под видом «миротворцев» обрушатся «обычные» войска агрессора и установят там оккупационный режим, уже никто не будет разбираться, какие события и в какой последовательности происходили до вторжения на самом деле, а какие были вымышлены в рамках «сценарных разработок».

Сегодня под каток «войны пятого поколения» по-

¹<http://www.zavtra.ru/content/view/2011-03-1543/>.

пала Ливийская Джамахирия Муамара Каддафи. Завтра в таком же положении может оказаться любая другая страна мира, не исключая Россию.»

При желании в этой модели пяти поколений войн можно найти достаточно много некорректностей, но общее представление, а главное – ключ к пониманию происходящего она дает.

Резюмируя, можно сказать, что сегодня и на Украине и в других точках планеты Запад ведет агрессивные войны, которые с помощью эффективной машины пропаганды представляются как войны справедливые и направленные на защиту гуманитарных ценностей. Этой цели служит специально изобретенный еще в годы холодной войны так называемый «язык Пентагона», то есть словарь желательных и нежелательных выражений и фразеологем, (предназначенный для изучения военнотружущими американской армии), который представляет собой разновидность оруэлловского новояза.

Нежелательно говорить – неожиданная война. Желательно – неожиданная атака.

Нежелательно говорить – управляемый захват. Желательно – управляемый ответ.

Нежелательно говорить – ядерный баланс. Желательно – ядерный тупик.

Нежелательно говорить – возмещение. Желательно – восстановление, реконструкция.¹

В данных примерах мысли, которые могли бы нанести моральный ущерб военнослужащим и их родственникам, а также возмутить общественное мнение, скрываются под нейтральными (а порой и противоположными по значению) эвфемизмами, которые составляют суть любого языка войны.

И язык войны и новоязовские эвфемизмы широко применяются в освещении военных действий на Украине средствами массовой информации Украины, России и самопровозглашенных республик Донбасса.

Если украинские СМИ называют действия украинских войск антитеррористической операцией (АТО), то СМИ ДНР и ЛНР, а также многие российские СМИ – карательной операцией. С одной стороны, защитников Донбасса называют ополченцами, с другой – террористами и сепаратистами. Иногда тон российских СМИ смягчается, и термин «карательная операция» не используется. В последнее время тон российской пропаганды стал менее резким, выражение «карательная операция» почти не используется. После того как корреспондент программы

«Вести» Игорь Корнелюк погиб под Луганском, телекомпания «ВГТРК» сменила название его последнего сюжета с «В посёлке Счастье каратели вырезали почти всё местное население» на нейтральное «Сражение в посёлке Счастье: Снаряды бьют куда попало»².

Вот как характеризуют военные действия в Донбассе российский и украинский политики.

«Я убеждён, что широкое и честное международное участие в разрешении украинского кризиса могло остановить эту трагедию и избавить национальную армию Украины от позора карательной операции, но этот шанс уже упущен, а украинскому государству уже не смыть страшного пятна на его истории». – Сергей Нарышкин, спикер Госдумы, 4 июля 2014 года.

«У меня нет информации, что антитеррористическая операция должна быть остановлена. Я поддерживаю её продолжение, но требую изменения её формата. Она должна быть более короткой и эффективной. Антитеррористическая операция не может и не должна продолжаться месяцами, она должна проходить за часы». (Пётр Порошенко, кандидат в президенты Украины, 26 мая 2014 года).

Это называется пропагандой номинаций и, собственно говоря, такой язык войны вошел в обиход вместе с войнами третьего поколения, например, религиозными войнами, когда каждая из воюющих сторон называла своих противников язычниками, варварами, навешивая на них всевозможные ярлыки негативного содержания.

Для повышения эффективности используются идеологически самые страшные номинации – фашист, бандеровец, нацист, каратель, хунта.

С украинской стороны – те же самые приемы.

Для создания пренебрежительного образа врага используются схожие приемы. С одной стороны этноним «украинцы» видоизменяется в укров и укропов, а с другой – русских называют москалями, кацапами, ватниками и колорадами.

Такой прием преследует еще и цель обезчеловечения врага, что является основной задачей любого языка войны.

Язык войны способен глубоко проникать в массовое сознание и замещать мирный лексикон.

Вот как описывает изменения, произошедшие в обыденном сознании и бытовом лексиконе афганцев, местный журналист: «Во время одной из таких поездок я заметил, как военная и армейская терминология проник-

¹<http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-pentagona-eto-raznovidnost-novoyaza>.

²<http://www.the-village.ru/village/situation/situation/160747-yazyk-voyny>.

ла в язык местных жителей. Такие слова, как «ISAF», «людские потери», «теракт смертника», «Аль-Каида», «ночной рейд» и многие другие стали частью будничных разговоров моих родственников».

Например, мой родственник Мохаммед одолжил денег одному селянину, и тот вовремя не вернул долг. Как-то в пятницу после обеда, я случайно подслушал его телефонный разговор с должником, который все еще не расплатился. Мохаммед шутливо поднес ко рту телефонную трубку и сказал: «Если не вернешь мне долг, я нашлаю на тебя отряд *zanmargai* – террористов-смертников», а затем рассмеялся.

Наверное, перемены наиболее ощутимы на юге, где война и ее терминология стали неотъемлемыми спутниками моего народа. Но если тебе вдруг случится пройтись по любому афганскому базару и послушать разговоры людей – на дари или пушту, основных афганских языках – легко заметить определенные шаблоны.

Когда двое друзей подтрунивают друг над другом и один из них злится, возможно, он скажет: «Отстань от меня или я надену жилет» – подразумевая жилет смертника, начиненный взрывчаткой. Если ты бывал за границей, и высказываешь идеи, которые чем-то отличаются от доминирующих в обществе, тогда тебя назовут «сыном Буша» или «сыном Обамы». С другой стороны, если ты хоть немного религиозен, а особенно если ты носишь бороду, тебя назовут «Аль-Каидой» или «Талибаном».

В Кабуле друг-иностранец рассказал мне, как однажды ночью во время поездки у него в машине погасли фары. Его водитель выбрался наружу и попытался их отремонтировать, но у него ничего не получилось. Когда водитель вернулся в машину, он покачал головой и сказал: «Это машина муллы Омара», имея в виду одноглазого лидера «Талибана».

Если тебе плохо, и ты побледнел, тебе наверняка скажут: «Ты бледный, как террорист-смертник». Иногда, если кто-то хочет намекнуть, что пора ложиться спать, он скажет: «Давайте прикинемся трупами».

Нам пришлось создавать новые слова, и теперь они глубоко укоренились в наш быт. В пушту, кроме сло-

ва «*zanmargai*», которое означает «террорист-смертник», появилось еще слово «*shaara*» – «ночной рейд», которое теперь может означать любой свалившийся на тебя сюрприз. А еще есть слово «*pataw*» – взрыв бомбы или вообще любой звук, похожий на хлопок»¹.

Это означает милитаризацию массового сознания, создание устойчивой милитаристской модели Мира, о чем я говорил выше. Склонность к решению всех конфликтов военным путем войны становится имманентной в широких массах населения в странах, подвергшихся агрессии Запада, как Афганистан, или подвергшихся глубокому реформатированию сознания средствами пропаганды, как Украина. Таким образом, народ сам начинает говорить на языке войны и без малейшего информационного сопротивления импринтирует в свое сознание и фальшивые эвфемизмы на пропагандистском новоязе, и агрессивные и уничижительные «номинации» выбранных внешними модераторами врагов.

Характерной особенностью войн пятого поколения, как, например, на Украине, является синергетическое применение и эвфемизмов, и пропаганды номинациями и создания симулякров действительности, описываемых с помощью этого языка войны.

Многие из этих приемов использовались уже во время Второй мировой войны спецслужбами Третьего рейха и геббельсовской пропагандой. Одним из высших достижений гитлеровской разведки стало изобретение так называемого «*функельшпиля*». *Функельшпиль* (по немецки «*Funkelspiel*» буквально означает – яркая игра) – это намеренно громкое обсуждение заведомо неправильных версий для дезинформации соперников. Термин из арсенала радиоигр германской разведки во время Второй мировой войны.

Современный язык войны – это *функельшпиль* для общественного мнения, для народа. Если мы хотим победить в информационной войне, то главная задача – разоблачить вражеский *функельшпиль* и замаскировать свой собственный. Ведь война – это, как правило, игра с нулевой суммой, а пацифист или правдоискатель проигрывает всегда.

¹<http://navoine.info/insidious-language-of-war.html>.

Литература

1. Максаетян А.Г. *Язык и метафизика*, Ереван, 2001.

2. Коньков Н. «Война пятого поколения». Газета «Завтра» от 2 марта 2011.